

частью в примечаниях, значительное число данных, свидетельствующих об исключительной остроте и широком размахе классовой борьбы на протяжении всей истории Римской империи. Так, автор говорит о частых случаях бегства рабов¹, дезертирстве из армии², о недоверии римлян к своей армии (главным образом к варварским частям)³, об исключительном распространении „бандитизма“, своеобразной формы классовой борьбы, заключавшейся не в разобщенных действиях отдельных *latrones*, а в создании настоящих объединений⁴, о помощи, оказанной рабами и колоннами варварам, и о переходе угнетенных на их сторону (стр. 44; стр. 225, прим. 551; стр. 470, прим. 154; стр. 437, прим. 438; стр. 393 и 547, прим. 186; стр. 468; стр. 593, прим. 122; стр. 546, прим. 184, 185 и т. д.). Еще больше материала о классовой борьбе мы найдем на страницах, посвященных донатистам и агонистикам, о чем скажем ниже. Но весь этот материал не связан направляющей мыслью. Демужо не придает значения революционному движению угнетенных, свергнувших совместно с варварами господство римских рабовладельцев и открывших тем самым широкие возможности для развития производительных сил в рамках более передовых производственных отношений. Не видит исследовательница и роли, которую сыграли сокрушительные удары варварских вторжений, нанеших непоправимый урон крупным римским рабовладельцам, разорение которых автор частично признает (стр. 538)⁵.

Существенное место в исследовании Демужо занимает изучение религиозных проблем.

При этом отдельные вопросы трактуются автором в реалистическом духе. Демужо дает неприкрашенную характеристику Феофилу и его фанатичным монахам (стр. 307—309); в отличие от ряда буржуазных ученых, преуменьшавших последствия разорения Рима Аларихом⁶, Демужо разоблачает несостоятельные и тенденциозные попытки христианских писателей обелить вестготов-христиан (стр. 471—477). Однако в целом автор переоценивает значение религиозного фактора: он стремится установить различие между Востоком и Западом с точки зрения соотношения между язычниками и христианами и отношений между государством, олицетворенным императором, и церковью.

Отмечая, что на Западе язычество сохранило значительно более сильные позиции, чем на Востоке, Демужо концентрирует все внимание на анализе борьбы между языческой и христианской верхушками, несомненно преувеличивая этот, сравнительно несущественный, антагонизм. Слабое распространение христианства среди крестьян, в особенности в дальних районах Галлии, Дуная и т. д., хотя и отмечается (стр. 79—80), но объясняется только недостаточной романизацией.

Другим интересующим Демужо вопросом является вопрос о взаимоотношении между императорской властью и церковью⁷, об отличии в церковной политике (по отношению к язычникам, еретикам и духо-

¹ Стр. 547, прим. 188.

² Стр. 511, прим. 107.

³ Стр. 276, прим. 251.

⁴ Стр. 215, прим. 398; стр. 465, прим. 131; стр. 526, прим. 36; стр. 530, прим. 55; стр. 541, прим. 140; стр. 547, прим. 187.

⁵ Характерно замечание автора, что „социальный переворот, вызванный варварами, менее заметен, чем дезорганизация политической и экономической жизни“ (стр. 538).

⁶ См. об этих историках Н. И. Голубцова. Италия в начале V века и вторжение Алариха в Рим. ВДИ, 1949, № 4, стр. 71.

⁷ Этот вопрос привлекает многих буржуазных исследователей. Из работ последнего времени см.: W. Ensslin. Die Religionspolitik des Kaisers Theodosius der Grosse (SBAW, Phil. hist. Kl. 1953, H. 2). München, 1953.